

КРИСТОФ ПАЯР

Возможен ли вечный мир? Кант или миротворческий разум

«Никто не безумен настолько, чтобы предпочесть войну миру» (1). Это изречение Геродота кажется опровергнутым всем ходом всемирной истории, которая непрерывно устраивала военный спектакль в его разнообразных формах. Войны между империями, между нациями, гражданские войны, публичные и приватные, войны идеологические и коммерческие, войны священные и светские, тотальные и локальные, горячие и холодные — слова Гераклита, о том, что Полемос есть отец и богов, и людей возможно ближе к реальности, нежели сентенция Геродота. Эту фразу нужно понимать в нормативном смысле: никто не хочет войну как таковую, поскольку война это не больше, чем возможность в итоге стать свидетелем выдающегося события — мира, которому она в значительной мере подчиняется (2). Если философия морали категорически отвергает войну, эту «школу насилия» (3) и обезчеловечения, то философия политики лишь констатирует ее фатальное воздействие на историческую реальность. Можно ли вслед за Прудоном, тем не менее, предположить, что «война внутренне присуща человечеству и должна длиться столь долго, сколько существует оно само» (4) или же вслед за Гегелем считать, что этот «трибунал истории» нормальный и необходимый способ решения межгосударственных конфликтов — «в соперничестве, в котором одни государства противостоят другим, когда частным волям (этих государств) не удастся урегулировать свои разногласия путем переговоров, только война может их рассудить» (5)? Может быть идея всеобщего мира — лишь химера, которая могла бы осуществиться только после полного вымирания человеческого рода, что непременно повлекло бы за собой «атомный холокост»? Это вопрос, который поставил еще Кант, не зная, впрочем, об апокалиптическом потенциале ядерного оружия: «*К вечному миру*. Эту сатирическую надпись выгравировал один голландский трактирщик на своей вывеске, рядом было нарисовано кладбище. Относилось ли это вообще к людям или конкретно к ненасытным войной сюзеренам, или даже к философам, предающимся прекрасным мечтам о бесконечном мире между государствами?» (6) Вечный мир это утопия любителей порядка или стабилизирующий идеал права? Политическая ситуация в мире, американское сверхмогущество, конец взаимных утрашений, как гаранта равновесия международных сил и развитие новых форм войны, начиная с терроризма,

вновь придают этому ключевому вопросу философии морали и политики крайнюю актуальность.

Отвергая пацифизм, как и любой бессмысленный утопизм, реалистическая философия находит в историческом спектакле обширный материал для оправдания своего неприятия, слегка окрашенного иронией и презрением. В 1914 г. не были ли призывы социалистов отказаться от войны сметены беспрецедентной националистической лихорадкой в Германии и Франции? Пакт Брайана-Келлога 1928 г., который поставил войну «вне закона» не остался ли в сущности тщетной и бессодержательной попыткой? А тезисы Фукуямы о конце истории не опровергнуты ли 11 сентября 2001, а «цивилизационный шок» насколько верно предугадан Самуэлем Хантингтоном? Напрасные усилия женщин Аристофана в *Лисистрате* или Андромахи в пьесе Жироуду «*Войны в Трое не будет*» иллюстрируют ничтожность пацифизма, обреченного на поражение воинственной фатальностью истории. Основываясь на опыте, философский реализм утверждает в действительности нормальность войны как вполне обыкновенной движущей силы исторического становления. Воинственный инстинкт свойствен человеческой природе. «Мы всегда видели, как более сильный подчиняет своей власти более слабого» (7), отмечал Фукидид, чей проницательный и беспристрастный анализ Пелопонесских войн, обосновывая трагическую философию истории, вдохновляет любого реалиста. «Учитывая то, что можно предположить о богах, и что мы с уверенностью знаем о людях, и те, и другие подчиняются неизбежно закону природы, который толкает их доминировать над другими всякий раз, когда они сильнее» (8). Силовые отношения составляют основу политической реальности: война настолько же является необходимым следствием совокупных факторов, насколько и наиболее ощутимым проявлением этой реальности. Право не имеет смысла, кроме как кодирования силовых отношений: право почитается, пока силы пребывают в равном соотношении, и осмеивается, как только равновесие нарушено. «Вы знаете также хорошо, как и мы, что в мире людей аргументы права имеют вес, только в той мере, в какой противники располагают равнозначными средствами принуждения, в противном случае, более сильные извлекают максимальную пользу из своего могущества, а более слабым остается только склониться перед их могуществом» (9). Право — это крайнее средство, уловка, продиктованная слабостью: слабость единственная считается с силой во всех ее многообразных проявлениях, начиная с военной силы — составной части политической реальности в своей основе. Война была фундаментальной нормой и предельным горизонтом межгосударственных и даже межчеловеческих отношений. Поиск могущества стал бы, таким образом, финалом политики как возможности всякой политики. Переводчик Фукидид и основатель новейшей философии политики Гоббс не рассматривали ли всемогущество как основание любой государственной реальности и даже просто реальности, покоящейся на божественном всевластии как на своем негипотетическом принципе (10)? «Непреодолимое могущество составляет право» (11), и право не имеет смысла, кроме как в соотношении с этим могуществом, которое оно морально оправдывает — и в этом суть базисных принципов реалистической школы.

Столкнувшись с ужасом войны или точнее с необходимостью войны, у философов-реалистов возникает сильное искушение оправдать ее, как главнейший мотор истории. Придерживаясь обыкновенно фактов и обнаруживая бурное воображение, они приписывают этому воинственному феномену самые разнообразные мотивации. Вообще, война это, действительно ли, природная необходимость, как думал Платон? Города естественным образом находятся в конфликте, как и горожане, как и индивид, в глубине души раздраемый противоречивыми стремлениями своей психики (12). У политики нет другой цели, кроме как готовиться, не покладая рук, к военному противостоянию, и Город всегда в большей или меньшей степени перевоплощается в казарму (13). Коренится ли источник войны в инстинкте смерти и его пульсациях или в склонности к агрессии, «врожденной импульсной и автономной предрасположенности человека», как думал Фрейд (14)? Является ли война частью проекта божественного провидения, как думал Местр? Или фактором конкуренции между индивидами и нациями, как у Прудона? «Если, против ожидания, природа сделала из человека животное, в порядке исключения изобретательное и социальное, и совсем не воинственное, он бы с первого же дня опустился бы до уровня тех тварей, чье сообщество полностью составляет их судьбу» (15). Ницше не слишком чужда эта точка зрения, он полагал, что всеобщий мир повлек бы за собой вырождение человечества, угасание воли к власти и триумф раба над хозяином. Не является ли война продуктом неравных производственных отношений, как у Маркса и Жана Жореса, который вторил ему, говоря, что «капитализм несет в себе войну, как грозная туча предвещает бурю»? Является ли она плодом частной собственности, как утверждал Бергсон: «Война происходит из собственности частной или коллективной, и поскольку человечество предрасположено к собственности по своей структуре, война вполне естественна. Боевой дух так силен, что проявляется первым, когда, соскоблив цивилизацию, мы обнаруживаем под ней природу» (16). Если только война не является демографическим стабилизатором, как думал Гастон Бутуль, вероятно вдохновившись Эврипидом (17)? В философской мысли война то связывается с человеческой природой и влечениями, то с обыкновенной политической и экономической игрой, то с телеологической трансцендентной необходимостью, присущей историческим законам, судьбе и провидению. Во всех этих случаях, война представляет собой в высшей степени историческую фатальность, холодную как мрамор необходимость, о которую разбиваются как углые суденышки все пацифистские устремления человека. Даже такие мыслители как Фрейд, констатировали на исходе Первой Мировой войны, что последующие конфликты рискуют привести человечество к гибели, подтверждая пессимистичные взгляды относительно шансов человека уцелеть (18).

Стоит ли, таким образом, верить в эту роковую сущность истории? Неизлечимо ли такое радикальное зло как война? Расширение до бесконечности деструктивных боеспособностей, ставшее возможным благодаря так называемым технологиям «АВС» (Атомным, Бактериологическим и Химическим), делает эту проблему философии морали и политики более насущной. Речь идет не только о способности человеческого рода приобретать нравственные качества, но и о такой фундаментальной вещи, как выживание. Кант

настоятельно необходим в этом случае как неизбежный ориентир. Вся его философия может быть измерена единицами/аршинами мира, как стабилизирующим эталоном критического разума. Кантовский разум в корне иренический – миротворческий. Это касается в особенности его теоретической философии. За неимением предварительного определения могущества разума, философия обречена на бесконечные конфликты – дразги философских школ, конечно, менее смертельные, чем вооруженные конфликты, но приводящие к замкнутости и нелюдимости. Погрязнув в «междоусобных войнах», разнообразные догматические системы породили скептицизм, который отрицал за разумом любые познавательные способности. В результате этой раздробленности философия распалась на бесконечное множество враждующих систем, отстаивающих каждая для своего «прихода» привилегию истинности. «Поле боя этих бесконечных баталий зовется Метафизикой» (19). Насколько философские школы переходят за пределы пространства опыта, претендуя на познание непознаваемого, настолько они продолжают пребывать в природном состоянии, логический выход из которого – война. Только «трибунал разума», установивший через критику пределы своего познавательного могущества – может покончить с этими непрерывными распрями. Критика чистого разума как раз является «ультиматумом, призывающим разум по-новому взглянуть на наиболее сложную из своих задач и учредить трибунал, который даст ему уверенность в его справедливых притязаниях. Трибунал, который также сможет положить конец необоснованным, вероятностным предположениям не путем произвольных решений, а исходя из вечных неизменных законов» (20). В теоретическом пространстве Кант самым задушевным образом уверен в возможности умиротворить философию, то есть, добиться, используя разумные суждения, согласия на предмет того, что может быть познано, а что нет. Он сам предлагает нам приблизить миротворческие проекты теоретического и практического разума в *Извещении о ближайшем заключении договора о вечном мире в философии*, написанном в 1796 г., вышедшем год спустя после *Проекта вечного мира* к которому мы еще вернемся: «Критическая философия не начинается с попыток разрушить или построить систему, (...) но ее завоевательный демарш (с любыми абсолютно намерениями) начинается с изучения возможностей человеческого разума (...). Эта философия есть постоянное состояние войны (...), состояние войны, сопровождающее без конца деятельность разума и открывающее перспективу вечного мира между философами» (21). Иренизм, миротворчество не обязательно мирное и ненасильственное: оно предполагает бдительность разума. «Трибунал разума» – это парадигма критической философии. Критическая философия не ставит целью вынести произвольный, а значит уязвимый, приговор одной из конфликтующих сторон, но, приближаясь к источнику их разногласий через определение познавательных возможностей, пытается определить, какая из них в своем праве. *Quid juris* сам напрашивается как ключевое выражение в кантовской философии, как право, имеющее своей целью мирное сосуществование индивидов, граждан, государств или философских систем.

Что подходит для теории, в равной степени подходит и практике. Поскольку разум детерминирует априори условия соглашения между различ-

ными школами, критикуя свои возможности, он может также априори определить условия вечного мира между нациями. Эти условия зависят от права, а значит *in fine* от свободы. Исключим сразу типичное искажение смысла. Кант не утопист, а идеалист. Утопизм — абсурдная позиция, так как утверждает возможность реализации идеи Совершенного города, который является преимущественно вещью-в-себе (22). Поскольку идея принадлежит к сверхчувственному, невещественному, она не может воплотиться в материальном. В отличие от утопизма, кантианский идеализм бережно разводит эти понятия. По своей природе и по определению идея не сумела бы постичь эмпирическое воплощение. Так ли она, тем не менее, бесполезна? Ничуть: разум нуждается в идеале, чтобы регулировать свою теоретическую и практическую деятельность. Заведомо зная, что он не сможет достичь этого идеала, разум должен вести себя так, как если бы он мог достичь идеал, последовательно приближаясь к нему. Стабилизирующий идеал ориентирует мысль и действие. Разумеется, как асимптотический предел. Идеал — это асимптота разума: нечто, к чему он тянулся, но не мог достать. Он открывает истории пространство для бесконечного прогресса. Это касается не только идеи Совершенного города, но также Проекта вечного мира, который Кант набросал в 1795 г. Вопрос не в том, реален ли вечный мир, а в том, чтобы действовать «как если бы нечто возможно не существующее, существовало бы на самом деле» (23). Кант прекрасно знал, что сам по себе «вечный мир (эта конечная цель любого человеческого права), очевидно, невоплотимая Идея» (24), человек остается тем, что он есть, то есть сделанным из материала патологически испорченного корыстью и эгоизмом. Нужно лишь, чтобы «политические принципы, направленные к этой цели (...), способствующие непрерывному приближению к этой цели, сами не были невоплотимой Идеей» (25): морально подлежащие исполнению, они все же возможны практически. Не имея возможности реализовать миротворческий идеал, необходимо постепенно к нему приближаться. Мир есть идеал чистого разума, скорее «высочайшее политическое Благо» или «конечная цель всякой доктрины права» (26). Какова в действительности конечная цель права, если не мирное сосуществование свобод в режиме, гарантирующем каждой из них максимум прав? Итак, мирное сосуществование индивидов предполагает само по себе мирное сосуществование государств: ничто не заменит мир внутри границ, если война угрожает извне. Публичное международное право завершает и использует систему национального публичного права: «разум практичный с моральной точки зрения накладывает свое бесповоротное veto: ни между тобой, ни между мной не должно быть войны ни как между индивидами, ни как между государствами, которые несмотря на то, что пребывают внутри в легальном положении, в то же время снаружи (в своих взаимоотношениях) находятся в состоянии беззакония» (27). Право требует выйти из природного состояния национального или интернационального: это значит, что оно направлено на мир как на свой идеал.

Кантианский иренизм в итоге совсем не утопичен. Он пытается определить юридические условия, которые стремятся подменить право силой, как это делает международный трибунал. Зная политическую реальность, он пытается обосновать факт, что отказ от войны в интересах государств. Кант

полагал, что это постепенно привело бы их к отказу от милитаристской политики, поскольку игра не стоит свеч. «Природа неудержимо желает праву победы» (28). С помощью чего-то вроде «уловки разума» (Гегель) она прибегает к патологическим наклонностям человека, чтобы достичь своих рациональных целей. Далеким от всякого ангелизма, Кант не идеализирует человека: его идеализм прочно укоренился в реализме. Если бы пришлось подождать пока люди превратятся в «ангелов», вечный мир никогда бы не увидел белого света. Точка зрения Канта направлена только на то, чтобы продемонстрировать, что мир возможен, «пусть даже у бесовского народа», лишь бы у них была хорошая конституция (29). Все дело в праве, а точнее в праве разума. Нам знакомы революционные статьи Проекта вечного мира, которые в большинстве своем включены в международное право, начиная с 14 пунктов Президента В. Уильсона (8 января 1918 г.), с принципов Лиги Наций и вплоть до зарождения Организации объединенных наций. Мы упомянем здесь только основные, в числе коих запрет на тайную дипломатию, требование республиканской формы правления, «федерация свободных государств» и развитие международной торговли.

1. Запрет на тайную дипломатию воплощает в плане международного права правило публичности, которое само по себе воплощает в национальном праве определенный категорический императив. Кант приступает к «опыту чистого разума», чтобы определить несправедливость следующей максимы, независимо от ее фактического содержания: «Все действия относительно права другого, чья максима не годится для общественного мнения, несправедливы» (30). Невозможность сделать публичным изречение, не уничтожая его рассчитанного эффекта, есть в некотором роде признак его нелегитимности: если несправедливость предполагает непрозрачность, то право требует прозрачности. Независимо от морального осуждения тайной дипломатии, ее аннулирование, начиная с XX века, способствовало сокращению риска войны: так как оккультный характер соглашений иррационален, а различные актеры международной игры не имеют возможности предвосхитить реакцию партнеров или соперников. Первая Мировая война отчасти плод этого иррационализма (31).
2. «Гражданская конституция каждого государства должна быть республиканской» (32). Дело не в том, что Республика связана со свободой, и, соответственно, с достоинством человеческого существа, а в том, что ее конституция единственная не воинственна, что мнением граждан и их избранных представителей интересуются еще до всякого объявления войны. «В итоге объявлять войну, не так ли, для граждан равносильно тому, чтобы навлечь на самих себя все возможные бедствия?» Никто не сумел бы пожелать себе вреда. «В стране, в чьей конституции граждане государства не являются субъектами, то есть, чья конституция не является республиканской, объявление войны вещь наиболее удобная, легкая и безболезненная для главы этой страны, поскольку не стоит ему даже мимимального отказа от удовольствий, от хорошего стола, охоты, деревни, светских раутов и т.д.» (33). Мы видим здесь новый признак кантианско-

го рационализма в недрах его идеализма: патологические склонности человека могут быть отклонены разумом, чтобы содействовать воплощению идеала. Опыт подтверждает это положение: ни один вооруженный конфликт ни разу не сталкивал две демократии, начиная с XIX-го века (34). Война главным образом — это реальность тиранических режимов.

3. Но наиболее пронизательный аспект, фактически пророческий, Проекта вечного мира заключается в его космополитическом предназначении: логический предел построения национального права — это развитие интернационального права, которое само предполагает «Федерацию свободных государств» (35). Так как это моральный долг индивидов выйти из природного состояния, государства тоже должны отказаться, как и частные лица, от анархической свободы дикарей, чтобы подчиниться принудительным законам и создать, таким образом, Государство наций (*civitas gentium*), которое незаметно охватит все народы мира (36). Здесь опять же нужно опасаться типичного искажения смысла. Кант совсем не призывает, исходя из своих желаний к тоталитарному «Всемирному государству», которое уничтожило бы суверенность Государств-наций. Международное право не должно заменить национальные права, а должно скорее их координировать в единой юридической системе. Этот альянс наций чтит то, что мы сегодня назвали бы принципом невмешательства: он не стремится «ни к какому превосходству над государствами, но только к гарантированному сохранению свободы каждого государства в отдельности». Речь идет о «свободном федерализме», это «приложение к общественному договору, которое разум должен понимать как публичное право» (37). Кант особенно настаивает на этом пункте: разум предпочитает «сосуществование государств в их единстве под властью сильнейшего из них», что превратилось бы в действительности в кладбище права и свободы. Дело не столько в федерации народов и не в универсальной монархии — не в «Обществе наций» и не во Всемирном государстве, — сколько в плюрализме как истинном проявлении свободы.
4. Помимо этих юридических аспектов миротворчество Канта опирается на одно не лишнее налета реализма соображение: развитие торговых отношений между нациями сделает войну как дорогостоящей, так и абсурдной (38). Эту тему Кант, конечно же, унаследовал у Монтескье: «Естественный результат коммерции — это мир» (39). Умиротворение коммерцией играет особую роль в его системе: она предоставляет международному праву свои реальные гарантии, в то время, как одни лишь этические соображения беспомощны в этом плане». Патологические склонности порабощают намерения разума. Мы выходим из пространства морали, чтобы войти в поле чистой корысти: «власть денег» — это то, что преимущественно заставляет государства «работать на благородное дело мира, хотя и безо всяких нравственных целей; и если бы где-то разразилась война, ее сразу потушили бы через посредников, поскольку для такого случая подписывается договор о вечном альянсе» (40). Опыт также здесь подтверждает правоту Канта: война становится слишком дорогой, чтобы

быть рентабельным инструментом власти. Не так ли, то же значение имеет развал обескровленного СССР, который предпочел отказаться от гонки вооружений и признать свое поражение, необходимость реконструкции, чем ввязываться в политику «чем хуже, тем лучше», политику настолько ирреалистичную, насколько эта страна была экономически зависима от западного мира в отношении продовольственного снабжения (41)? Это укоренение Проекта вечного мира в политико-экономической реальности ограждает идеализм Канта от всякого утопизма.

Что можно в целом сказать об иренизме Канта? Он дает повод для противоречивых интерпретаций. Первая связана с реализмом. Совсем как критицизму, который помимо воли интегрирует в себя часть догматизма, ему не удастся умиротворить философию, его Проект вечного мира споткнулся и всегда будет спотыкаться об неустранимое многообразие человеческой природы: этическое, лингвистическое, религиозное и политическое многообразие. Хотя и благоприятствующее свободе, не является ли это многообразие в высшей степени воинственным фактором. Глобализация вряд ли его устранил, возможно, даже будет способствовать его росту, делая каждый народ больше чем когда-либо зависимым от этих конститутивных отличий. Можно привести еще один пример: исламский терроризм Бен Ладена и ему подобных, не существующий в начале XX века, объясняется без сомнения только обезличиванием, стандартизацией, которые ведет за собой глобализация. Кроме того, гипердержава США весьма способствует выхолащиванию подлинного смысла миротворческого проекта из международного права. Как нам напоминает Фукидид, правила игры действительны лишь, когда партнеры равны: гегемонизм избавляет гегемоническую державу от почитания права. В итоге США стоят теперь перед лицом мира, как когда-то Афины перед Митиленой: «Что касается божьей милости, у нас нет причин беспокоиться. Мы не будем повержены» вследствие нашего гипермогущества (42). Неравенство сил побуждает к агрессии, и это неравенство никогда еще не бросалось так в глаза, как сегодня. Какая еще держава в человеческой истории может похвастаться таким абсолютным превосходством кроме Штатов? Достаточно и других примеров, когда международное право и его принципы попираются, например отказом американцев ратифицировать протокол Киото, подчиниться международному уголовному трибуналу и уважать принципы взаимного сдерживания (развитие системы противоракетной обороны). Связанное с единоличными притязаниями доминирующих держав, неравенство сил бросает лишающий юридической силы вызов самой возможности глобального мира. Противостоя милитаристской политике реализма, современное миротворчество вписывается в общую канву Проекта вечного мира, полагая несмотря ни на что, что глобализация способствует признанию правоты кантовского идеализма. Экономическая взаимозависимость наций делает каждый день войны более абсурдным и убыточным для интересов воюющих. Гипердержава также зависит от экономики, и США не стоит игнорировать этот факт. Война обесценивает пенсионные фонды, к которым привязаны американские граждане, влечет за собой увеличение стоимости сырья и вообще экономический кризис, который с тру-

дом был отложен войной в Персидском заливе в начале 1991 г. Прогресс демократического строительства и международного права предполагает прогрессивное погашение предположительно атавистических конфликтов. Франко-немецкое соглашение вполне имеет вид миротворческой парадигмы: возможная война между этими нациями стала просто немислимой из-за их экономической взаимозависимости, человеческих контактов и обобществлением их военных ресурсов и производства вооружения. Историки могут также констатировать исчезновение воинственной риторики из европейского политического дискурса на протяжении всего XX века (43). Таким образом, Европа создает проект для всего человечества: нужно действовать так, как будто бы несуществующая вещь в себе существовала. Каким бы нереальным не был мир-в-себе, он может приблизить нашу свободу. Воинственный удел человечества не фатален.

Примечания

1. Геродот, I, 87.
  2. Аристотель, Политика, VII, 13–14, 1333a–в.; Августин, Град божий, XIX, 11.
  3. Фукидид, Пелопонесская война, III, 82.
  4. Прудон, Война и мир.
  5. Гегель, Принципы философии права, 333.
  6. Кант, К вечному миру, VII, 343.
  7. Фукидид, I, 76.
  8. Ibid, V, 105.
  9. Ibidem, V, 89.
  10. Лук Фуано, Гоббс и всемогущество бога.
  11. Гоббс, Основы права.
  12. Платон, Законы, I, 626: «в общественной жизни человек человеку враг, также как и в частной жизни — каждый за себя...».
  13. Ibidem, I, 625: война воспринимаемая как цель правовой системы.
  14. Фрейд, Неудовлетворенность культурой.
  15. Прудон, Война и мир.
  16. Бергсон, Два источника морали и религии: «Не мешайте Венере, и она вам приведет Марса».
  17. Эврипид, Елена, Пролог: «Если Зевс и принес войну на землю греков, также как и на головы несчастных троянцев, то это для того, чтобы освободить нашу матушку-землю от бремени смертных, которых все больше и больше».
  18. Фрейд, Тревога в культуре: «Люди сейчас ушли так далеко в своем превосходстве над природой, что с ее помощью им гораздо легче будет истребить друг друга до конца». В заключении Фрейд демонстрирует некоторый пессимизм, касающийся возможности Эроса преодолеть в конечном итоге Танатос. Кант не зная об атомном оружии, тем не менее, имел представление об апокалиптических возможностях войны: «Война до победного конца может повлечь за собой гибель обеих сторон одновременно, вместе с уничтожением права вечный мир станет возможен на бескрайнем кладбище человеческого рода» (К вечному миру, VIII, 347).
  19. Кант, Критика чистого разума, IV, 7.
- 18 Кристоф Паяр

20. Ibid, IV, 9.
21. Извещение о ближайшем заключении договора о вечном мире, VIII, 416.
22. Доктрина права, 62, заключение, VI, 371.
23. Доктрина права, заключение, VI, 354.
24. Ibid, 61, VI, 350.
25. Ibidem.
26. Ibid, Заключение, VI, 355.
27. Ibidem, VI, 354.
28. К вечному миру, VIII, 367.
29. Ibid, VIII, 366.
30. Ibid, VIII, 381.
31. Первый пункт: «Необходимо при свете дня готовить соглашения о мире, после чего уже не будет никаких странных и секретных союзов, и дипломатия всегда будет действовать открыто и на виду у всех».
32. Кант, К вечному миру, VIII, 344.
33. Ibid, VIII, 351.
34. М. Дойл, «Кант, либеральное наследие и внешняя политика».
35. Четырнадцатый пункт Президента В. Уилсона о создании Лиги Наций: «Необходимо, чтобы основное объединение наций было организовано в силу формальных соглашений, имея целью предоставить взаимные гарантии политической независимости и территориальной целостности как большим, так и маленьким странам».
36. Кант, К вечному миру, VIII, 357.
37. Ibid, VIII, 356.
38. Третий пункт Президента В. Уилсона.
39. Монтескье, О духе законов, IV, XX, 357.
40. Кант, К вечному миру, VIII, 368.
41. Ibidem: «природа гарантирует, даже посредством человеческих склонностей, вечный мир; хотя она и не может его нам обеспечить в достаточной степени, чтобы теоретически пророчествовать, но она мешает нам по крайней мере смотреть на мир как на химерическую цель, и тем самым вынуждает нас ему способствовать».
42. Фукидид, V, 105.
43. Ж.-Ж. Беккер: «Мировая война случится ли еще?», История, сентябрь 2002, которую критикует С. Хантингтон: «Мировой войны не было. Далеко не случайным был результат вековой эволюции отношений человека к войне: даже шок подобный 11 сентября не может обратить вспять эту тенденцию. В начале века, оружие рассматривалось как нормальный способ урегулирования конфликтов, как для власти, так и для народа. Отныне, мы пытаемся, что есть силы, избежать войны. (...) Даже правители с репутацией милитаристов гораздо более осторожны в этом деле, чем европейские лидеры 1914 г.».

Перев. с франц. Юлии Бессоновой